

A romantic couple in a field. The man is on the left, wearing a brown military-style jacket, and the woman is on the right, wearing a dark grey coat. They are standing close together, facing each other, with their foreheads touching. The background is a field of tall grass under a cloudy sky.

Дарья Филиппова

**Тень моей
любви**

Дарья Филиппова
Тень моей любви

«Автор»

2026

Филиппова Д. Ю.

Тень моей любви / Д. Ю. Филиппова — «Автор», 2026

Двадцать лет первой любви, разлуки, надежды и войны. Он уходил на боевые задания и просил: «Пиши мелким почерком, чтоб много, чтоб хватило надолго». «Если хочешь помочь — сходи в храм», — сказал он ей однажды. Она ждала, молилась и верила. Эта книга — исповедь женщины, которая научилась любить, ждать, верить и надеется не прося ничего в замен. Их души стали одним целым.

© Филиппова Д. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Тень моей любви

Глава

«Тень моей любви»

Дарья Филиппова

«Снег растает. Всему своё время»

Оглавление

1. Тень моей любви
2. Пушистый друг
3. Вера, которая не сгорает
4. Пиши мелким почерком
5. Ночь, когда он умер для меня
6. Перед рассветом
7. Зеркальные сны
8. Белая полоса
9. Встреча с Тенью
10. Я всегда буду твоей Тенью
11. Возвращение в ад
12. Одна кровь, одна фамилия
13. Черный день
14. Осознание
15. Черновики Тени

16. Маленькое чудо

17. Долгий путь домой

Тень моей любви

У меня есть история, которая мучила меня двадцать лет. История о первой любви, дружбе и нездоровой зависимости.

Нам было по семнадцать, когда мы познакомились. Симпатия с первого взгляда: зеленоглазый высокий брюнет с бунтарским взглядом и маленькая блондинка со звонким смехом. Его глаза могли очаровать любую. А наши глаза были одинаковыми – когда мы смотрели друг на друга, казалось, что смотрим в зеркало.

С юности он любил чёрный цвет. Чёрные футболки, чёрные джинсы. Говорил, что чёрный – цвет силы и свободы. Позже, на войне, его позывной стал «Тень». Я думаю, не только из-за умения быть незаметным, но и из-за этой давней любви к черному, в которой он растворился, как тень.

Мы познакомились на даче, в компании общих друзей. Он стоял у мангала достаточно далеко от своих друзей, держа в руках сигарету, и шурился от дыма. А потом повернулся и посмотрел на меня. У меня перехватило дыхание. Не потому что он был красив – хотя да, высокий, темноволосый, с бунтарской искрой в глазах. А потому что я вдруг увидела в его глазах себя. Те же серо-зелёные оттенки. Я подумала: «Мы похожи». Он ничего не сказал, только усмехнулся и протянул мне стакан. Так началась наша история.

Ночью мы побежали купаться. Я скинула сандалии на берегу и ступила босой ногой на песок – он был ещё тёплый от дневного солнца, а под ним прохладный. Вода оказалась идеальной, ласковой, парной. Луна висела низко, и её свет стелился по воде серебряной дорожкой. Мы зашли по пояс, и я подумала: «Вот оно, счастье». Он плыл рядом, смеялся. Я смотрела на лунные блики на его плечах и не могла наглядеться. Мы молчали. Слова были не нужны. Я запомнила этот момент навсегда: тёплую воду, лунный свет и его глаза, которые в темноте казались чёрными, но, когда он поворачивался к луне – вспыхивали изумрудом. Я тогда ещё не знала, что буду вспоминать эту ночь через двадцать лет, стоя в храме и молясь о том, чтобы он остался жив.

Он никогда не говорил, что любит меня, но обнимал крепко, как в последний раз.

Позднее, когда мы вернулись с Волги, ему стало нехорошо. Он ушёл в комнату. Я подождала немного, а потом тихонько зашла. Он лежал на кровати, отвернувшись к стене. Я села на край, боясь скрипнуть. Он не спал, но и не прогнал меня. Мы молчали. Затем я решилась его поцеловать, и он уснул. А я сидела и смотрела на него – на его ресницы, на то, как вздымается грудь. Мне казалось, что если я уйду, то потеряю что-то важное. Он так и не узнал, что я была рядом. Но я запомнила этот момент навсегда.

Потом, спустя годы, он вспоминал те беззаботные времена. Дачу, Волгу, наш смех. Говорил, что тот вечер и та ночь остались самыми яркими в его жизни. Он помнил каждую деталь: как шуршал песок под ногами, как мы радовались беззаботной жизни. Я удивлялась – он, который не помнил моих поцелуев, помнил каждую мелочь. Может быть, именно тогда, в той тишине, он и понял, что я для него – не просто друг. Но сказать об этом так и не смог.

Мне нужно было уехать на учёбу, и я не помню, почему ему об этом не сказала. Когда я вернулась, у него уже была девушка. Лезть в их отношения я не стала. Наши пути разошлись.

Через какое-то время он ушёл в армию, а я вышла замуж. Когда он пришёл домой и узнал, что я замужем, подписал контракт и уехал в военную часть служить дальше.

Прошло около шести лет, прежде чем мы увиделись вновь. У меня была маленькая двухлетняя дочь.

Он приехал в отпуск в феврале. Мы встретились. Гуляли по заснеженным улицам, сидели в кафе, ели блины, смеялись и разговаривали. Всё было как в старые добрые времена – легко, тепло, беззаботно. Он приходил ко мне в гости. Увидел на полке плюшевого медведя, который принадлежал моей дочери. «Забавный, – сказал он. – Хочу забрать его как трофей. Как память о тебе». Я тогда не отдала – не придала значения. И забыла. Но он не забыл.

Через много лет, когда он был уже на войне, он вдруг напомнил мне о том медведе. И я вспомнила. Достала того самого медведя, попросила подругу связать для него свитер и вышить на нём его позывной – «Тень». И отправила ему. Не игрушку – часть своей души. Часть той самой беззаботной зимы, которую он так хотел сохранить как трофей. Как память обо мне.

Мы начали переписываться, созваниваться, разговаривали обо всём, писали друг другу письма и с нетерпением ждали встречи. Я хотела уйти от мужа, но что-то меня остановило – возможно, трусость и неуверенность в его чувствах. Сердце моё было разбито, и пришлось долго собирать и склеивать осколки.

Но это оказалось не конец истории. Через четырнадцать лет всё повторилось. Он написал мне – всё тот же, от которого меня трясло и бросало в дрожь от его взгляда, как раньше. Теперь он был уже взрослым мужчиной, который находился в зоне СВО, командир штурмового

отряда. Сломанный войной, с потухшими глазами, прошедший через полный ад, потерю сослуживцев и остатки эмоций. Но ему всё равно хотелось тепла и любви. Герой России, смелый и отважный, он рассказывал о потерях и спасённых жизнях. О тяжести и жестокости войны.

Разговор за разговором, воспоминания, мечты о переезде в любимый город, о совместных детях – и я снова попала в его сети. Я переживала за все его боевые задания, ждала, считала дни, недели, месяцы, писала командиру, плакала, грустила, молилась и мечтала о нём. Мне казалось, что мы настолько близки, что я ощущаю его боль, а он мою. И он приходил ко мне во снах. Сны были настолько реальные, что я чувствовала вкус крови вперемешку с землёй, слышала звон в ушах и видела его глазами взрывы, автоматные очереди и прилёты дронов из ниоткуда.

После прихода с тяжёлых боевых заданий он мог быть нежным, а мог быть раздавлен и оттолкнут, проверяя, выдержу ли я. Я выдерживала, собирала его по кускам и жертвовала собой. Моей любви хватило бы на нас двоих. Казалось, мы стали ближе и понимали друг друга. Но для него моя любовь была пугающе настоящей. Он не смог её выдержать, потому что любовь невозможно контролировать, а для военного человека потеря контроля равна смерти.

Но однажды я спросила, кто мы друг для друга. Он испугался и ответил: «Ты мне не жена и не девушка, и мне не нужны отношения и любовь». Он назвал нас «дальними знакомыми из прошлого, которое никогда не вернуть назад». Прошлое всегда будет частью нашей истории. И стёр нашу переписку.

Я снова собирала себя по осколкам. В этот раз я не стала их склеивать. Я просто смотрела на них и понимала: этот узор сложился в мою жизнь, и ничего менять не нужно. Я не проклинала его. Я помню того зеленоглазого парня, который обнимал меня так, будто не хотел отпускать. Я отпускаю мужчину, который не смог меня выбрать. А себе оставляю надежду на мир, где меня любят не за подвиги, а просто за то, что я есть. Потому что настоящая любовь – это не жертва, а умение отпустить и жить дальше.

Прошло время. Я больше не проверяю телефон. Его голос стих в памяти, но не исчез. Иногда, в тихий вечер, я смотрю на закат и думаю: где он теперь? Жив ли? Вспоминает ли? И тут же ловлю себя на мысли – это уже не важно. Важно, что я здесь. С собой, которую наконец-то не теряю. А он... он остался в той далёкой истории, где мы оба были молоды. Я отпустила его навсегда.

Пушистый друг

У Тени был кот. Хрюша. Он назвал его так за то, что тот ел жадно, с таким аппетитом, будто его неделю не кормили – морда грязная после еды, довольная, наглая. Хрюша был серым,

с тёмными полосами на спине, словно его кто-то разрисовал углём. Кот спал на его бронези- лете, грел в холодные ночи. Ходил за Тенью по пятам. Солдаты смеялись: «Твой командир пушистого пригрел». А он молчал. Потому что Хрюша был его кусочком нормальной жизни.

Тень не хотел его отдавать, но понимал: если оставит, тот погибнет от прилётов или от голода, когда он уйдёт на задание.

Перед штурмом Авдеевки кота отправили в тыл. Кого-то из бойцов забрали, вещи, ране- ных... а с ними и кота. «Его увезли, и там он пропал», – сказал он потом. Без злости, без слёз. Только пустота в глазах. «Больше не заводил, – добавил он. – Они тормозят и отвлекают.

А когда погибают – тяжело. Лучше быть всегда одному».

Я слушала и понимала: он говорит не о коте. Он говорит о себе. О том, что боится при- вязываться, потому что терять слишком больно. О том, что Хрюша был последним, кого он попытался удержать. И не удержал. С тех пор он решил: лучше быть одному. Но я всё равно пыталась его разубедить. И каждый раз натыкалась на ту же стену. Кот, который не выжил, стал символом всех его потерь. И его отказа от любви.

Вера, которая не сгорает

Однажды он рассказал мне про иконку, которую нашёл. ««Квартира сгорела полностью», – сказал он. – А иконка на стене висела целая. Только края рамки обгорели». Я спросила, чья это икона. Он пожал плечами: «Не знаю. Хозяйская, наверное,». Он говорил без удивления, как о чём-то обыденном. «Здесь все становятся верующими, – добавил он. – Дядьки сорокалетние крестятся. Поп приезжает иногда в броне и каске. И освещает атеистов ярых. Сами просятся».

Я слушала и думала о том, как среди смерти, руин, грязи и крови кто-то продолжает верить. И, может быть, именно эта вера хранит его. ««У меня эта иконка лежала в рюкзаке месяц», – сказал он потом. – А при быстром отходе, когда начался обстрел, я оставил её вместе с рюкзаком в том окопе». Я поняла, что он не хочет говорить о чудесах, но, возможно, та иконка спасла ему жизнь. Для меня она стала символом того, что даже в аду есть место чуду. Я молилась за него, прося сохранить. Может быть, мои молитвы и та иконка были разными, но вера – одна на всех. Когда нет надежды, всегда остаётся только вера в чудо.

Пиши мелким почерком

«Пиши мелким почерком. Чтоб много. Чтоб хватило надолго» – просил он перед каждым уходом.

И я писала. Каждый день, когда он уходил на задание. Коротко или длинно – не важно. Главное, чтобы он знал: я есть.

Я писала о снеге, о морозах, о том, что оделась тепло. О том, как тает сугроб у крыльца и как пахнет весной. Я писала о работе, о том, что справляюсь. О том, что жду его.

Я писала о своих чувствах, но без требований. «Скучаю. Жду. Молюсь. Ты там береги себя». Я знала: он читает всё. Каждое слово. Даже когда не отвечал сразу, даже когда молчал днями – он видел мои сообщения.

Даже когда он пропадал надолго, я продолжала писать. «Десятый день тишины, – писала я. – Я всё равно здесь. Я пишу, потому что обещала. Потому что хочу, чтобы у тебя было моё тепло, когда ты вернёшься».

Я не знала, когда он прочитает. Но знала: каждое моё сообщение – как маленький огонёк в его темноте. Он просил писать мелким почерком, чтобы уместить больше. Я писала в мессенджере, вкладывая душу.

Он читал всё. И когда возвращался, иногда отвечал коротко: «Прочитал. Спасибо». А иногда просто писал «До связи». Но я знала: мои сообщения – это то, что держит его на плаву в этом аду.

Ночь, когда он умер для меня

Мне написали ночью шестого ноября. Телефон завибрировал, и я сразу поняла – что-то не так. «Тень и его отряд не выходят на связь пять суток. Скорее всего, накрыло артобстрелом. Там, где они были, остались только руины. Шансов нет».

Я не помню, как досидела до утра. Помню только, что плакала навзрыд, сжимая телефон в руках, и шептала: «Только не он. Только не он».

Утром мы с сестрой поехали в Суздаль. Ноги сами принесли в храм. Я молилась не словами – сердцем. Ставила свечи за здоровье, называла позывные: Тень, Птаха, Весёлый, Призрак... Те, кого он перечислял в переписке. Те, кого я знала только по позывным.

А вечером пришло сообщение: «Нашлись. Живы. Все». Они из трофейной рации собрали детали и вышли на связь. Я упала на колени прямо в прихожей и разрыдалась. Это было чудо.

Я тогда поклялась себе, что буду ждать его столько, сколько понадобится. Я не знала, что это ожидание станет для меня и счастьем, и пыткой. Но в тот вечер я просто дышала и плакала от счастья. Он был жив. И этого было достаточно.

Перед рассветом

У нас был ритуал. Перед каждым выходом на боевое задание он писал мне. Коротко, без лишних слов: «Два часа и на выход. До связи. Одевайся теплее». Иногда добавлял: «Напишу по приезду, пиши мне пока меня нет, прочитаю как вернусь». И он уходил туда, где смерть, и в этот момент он думал обо мне.

Я отвечала всегда одинаково: «Береги себя. Напиши, как вернешься». Это был наш ритуал, наше «до связи», которое стало клятвой. Я не говорила ему, что переживаю, молюсь, жду и думаю: «Как он там? Что с ним?». А когда он писал: «Вернулся», моё сердце замирало. Я не сразу отвечала. Сначала выдыхала, потом писала: «Хорошо. Отдыхай».

Однажды он ушёл в Гришино на пять дней и пропал. Он рассказывал, что Бахмут, Гришино и Красноармейск очень похожи. Не города и сёла, а огромные братские могилы под открытым небом. Говорил, что Бахмут – это была мясорубка. Зловонный запах стоял такой, что к горлу подступала тошнота, людей выворачивало. А Гришино и Красноармейск – его продолжение, где каждый метр давался с трудом и стоил человеческой крови. Он говорил, что артобстрелы такие сильные, что кажется, даже ангелы падают с небес. Он не уточнял, что из них город, а что село, для него они все были просто точками на карте ада. Я слушала и не могла представить, как можно выжить в этом аду. Но он выживал. И каждый раз писал мне перед новым заданием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.